

Шаповалов Сергей Николаевич

Shapovalov Sergey Nikolayevich

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Кубанского государственного университета

PhD in History,
Assistant Professor, History of Russia Department,
Kuban State University

ЗЕМЛИ ТАМАНИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.

TAMAN LANDS IN THE STRATEGIC PLANS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND THE OTTOMAN PORTE DURING THE WAR OF 1768–1774

Аннотация:

В статье исследовано значение таманских земель для Российской империи и Османской Порты в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Рассмотрены обстоятельства занятия крепости Тамани русскими войсками, деятельность по ее укреплению, отношения с местным населением, сложности ее удержания и причины оставления. Показана роль крепости и гавани Тамани в качестве связующего звена между крымскими и кубанскими народами и землями. Выявлены стратегии Императорского совета Российской империи и русского дипломатического представительства, ответственного за ведение переговоров с Османской Портой, в отношении таманских земель. Проанализированы причины отказа российского правительства от Тамани в пользу Крымского ханства.

Ключевые слова:

гавань, Императорский совет, крепость Тамань, Керченский пролив, Крым, Кубань, Османская Порта, посол.

Summary:

The article examines the value of the Taman lands for the Russian Empire and the Ottoman Porte during the Russo-Turkish war of 1768–1774. The study reviews the circumstances of capturing the fortress of Taman by the Russian troops, the activities to reinforce its relations with the local population, the complexity of its defending and the reasons for its leaving. The author shows the role of the fortress and the harbor of Taman as a bridge between peoples and lands of Crimea and Kuban. The article identifies the strategies of the Imperial Council of the Russian Empire and the Russian diplomatic mission responsible for the negotiations with the Ottoman Porte over Taman lands. It analyzes the reasons for the refusal of Taman by the Russian government in favor of the Crimean Khanate.

Keywords:

harbor, Imperial Council, fortress of Taman, Kerch Strait, Crimea, Kuban, Ottoman Porte, ambassador.

Земли Черноморского региона, являясь театром войн и имперской конкуренции, на протяжении длительного исторического периода были вовлечены в систему сложных военно-политических, хозяйственных и конфессиональных противоречий между Российской империей, Османской Портой, Крымским ханством и другими государствами [1]. Их очередное обострение привело к Русско-турецкой войне 1768–1774 г., которая развернулась на территориях Дунайских княжеств, землях Причерноморья и Таманского острова, занимавшего стратегическое положение между Крымом и Кавказом.

Крепости Тамань, Еникале и Керчь позволяли Порте закрывать для России выход в Черное море, контролировать местные народы и управлять своими владениями на Кубани. Историк Н.А. Смирнов отмечал большое значение таманской крепости не просто как форпоста Османской империи, но и как одного из ключевых опорных пунктов в регионе [2, с. 21]. Ее стратегическое положение хорошо осознавали и при императорском дворе. При планировании операций на 1771 г. Екатерина II ясно указала на одну из целей русской армии: «Главный предмет, кажется быть должен... чтобы сделать нападение на Керчь и Тамань и завладеть сими крепостцами; дабы Зунд Черного моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого Царьградского канала и до устья Дуная...» [3, с. 339].

Ход военных действий в 1771 г. благоволил планам императрицы. 2-я русская армия под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова захватила Перекоп, Кефе, Арабат, Керчь и Еникале. Успехи России в корне изменили военно-политическую ситуацию как в самом Крыму, так и на Тамани. Владетели и жители последней обратились к русскому командованию с просьбой о подданстве и покровительстве [4, с. 482–483]. Подобная инициатива, несомненно, находилась в русле политики российского правительства по овладению Керченским проливом. Поэтому 11 июля князь Ф.Ф. Щербатов с десантом русских войск отплыл на судах Азовской флотилии в сторону Тамани. Преодолев пролив шириною в 18 верст, он без сопротивления занял местную крепость, покинутую турками, и оставил здесь гарнизон [5, с. 185].

Дальнейшие мероприятия русского командования свидетельствовали о важности присоединения таманской гавани и крепости. Сюда были свезены различные артиллерийские орудия,

усилен гарнизон, проведена работа по починке крепостных стен, расставлены пикеты и приняты другие первоочередные меры. Для предотвращения высадки турецких десантов в Керченском проливе стали крейсировать корабли Азовской флотилии.

Получив донесение о занятии Тамани, в Петербурге не смогли точно определить дальнейшую позицию относительно самой крепости. В рескрипте на имя генерал-аншефа князя В.М. Долгорукова от 27 августа 1771 г. указывалось: «...Здесь в подлинность не известно, по колику занятый вами и на кубанской стороне город Тамань проливом из Азовского в Черное море владеет, или независимо онаго сим проходом пользоваться можно. В первом случае конечно необходимо и впредь такое занятие сохранять, вмещая оное в условие с крымцами, но в последнем в минование излишняго войск употребления кажется лучше оставить, равно как нет нужды о покорении и прочих на Кубанском кряжу лежащих городков мыслить...» [6, с. СІХ–СХ].

Сомнения в Петербурге не передались русскому командованию в Крыму. Даже несмотря на периодические нападения и враждебное настроение местных жителей, русские войска не стремились покидать столь легко доставшееся им укрепление. Лишь распространение заразных болезней на Тамани, а также военно-организационные трудности вынудили командование в сентябре 1771 г. снять местный гарнизон и переправить его в Керчь. При эвакуации русские войска забрали из крепости артиллерийские орудия, чтобы они не достались неприятелю, и, как справедливо отмечал А. Бертье-Делагард, «из военной необходимости не могли не разорить ее» [7, с. 36].

Оставив Тамань, российское правительство отнюдь не желало, чтобы одноименные крепость и гавань возвратились под контроль Порты. При обсуждении крымских дел 15 ноября 1771 г. при Императорском совете были даны инструкции генерал-поручику Е.А. Щербинину, в которых значилось «...удержать, при возставлении Татар, в их владении Еникале и Тамань для свободного прохода в Черное море...» [8, с. 122]. Выход в Черное море, конечно же, был необходим не Крымскому ханству, а российскому флоту, курсировавшему в Азовском море. После отторжения Тамани от Порты русские дипломаты должны были вынудить крымчаков отдать часть гаваней и крепостей.

В наступившем 1772 г. российское правительство и военное командование были заняты крымскими делами и использовали все военные силы для охраны крепостей и коммуникаций на одноименном полуострове. Из-за продолжавшихся болезней в Крыму и сильно растянутых линий у русских войск практически не было никаких возможностей вновь занять остров Тамань, хотя подобные намерения имелись. Полномочный представитель империи в Крыму генерал-поручик Е.А. Щербинин обращался с подобным предложением к командующему войсками генерал-аншефу князю В.М. Долгорукову. Об этом последний доносил в своей реляции от 7 августа 1772 г. за № 24, в которой сообщал: «...Опасаясь нарушить перемирие, не послал... требованной сим в Крыму полномочным в Тамань военной команды...» [9, с. 195].

Пользуясь тем, что русские интересы были преимущественно сосредоточены в Крыму, кубанские народы, жители Тамани и ее окрестностей были предоставлены сами себе. Среди них стали распространяться слухи об относительно скором прибытии большой турецкой армии и отвоевании Крымского полуострова. О настроениях кубанских жителей Императорский совет извещал генерал-поручик Е.А. Щербинин, который писал, что турки обещали прислать деньги и войско на Кубань с намерением открыть «в той стороне» военные действия [10, с. 158]. Подобные известия выглядели вполне убедительно на фоне прибытия в опустевшие крепости турецких солдат под видом купцов и местных татар.

Российское правительство было хорошо осведомлено о положении на противоположном берегу Керченского пролива, но в условиях начавшейся политической игры решило сосредоточить свои усилия на статусе Крымского полуострова и приобретении здесь удобных гаваней. Одновременно оно добивалось от Порты признания за собой нескольких черноморских портов. Предварительное согласие на их уступку при неременной компенсации было дано турецким послом Хаджи-Абдур-Резаком 10 декабря 1772 г. на мирных переговорах в Бухаресте: «Когда бы Блистательная Порта имела другую какую-либо крепость в тех странах или место к построению новой, то б я никакого не учинил затруднения уступить России Еникале и Керчу» [11, с. 211].

Уступчивость Оттоманской Порты в отношении Еникале и Керчи была несколько неожиданной, но вполне объяснимой. После потери контроля над Крымом со всеми находившимися там крепостями и полного разорения Тамани более предпочтительным вариантом для Порты действительно являлось строительство нового форпоста. При условии его правильного стратегического расположения турки могли одновременно восстановить контроль над Керченским проливом и следить за обстановкой на Тамани и в Крыму.

К моменту получения устного согласия турецкого посла Российская империя уже добилась для себя важной политической победы. 1 ноября 1772 г. в Карасу был заключен трактат союза и дружбы с крымским ханом Сахиб-Гиреем II. На его основании Россия получала во владение укрепления, гавани и окрестные земли Керчи и Еникале. Все прочие крепости передавались в

ведение крымского хана, который мог пользоваться перевозом из Еникале на кубанскую сторону через Тамань для управления своими подданными. В результате достигнутых договоренностей Россия получала выход из Азовского моря в Черное, но отказывалась от своих притязаний на Тамань в пользу Крыма.

Оттоманская Порта, напротив, принимала различные меры для сохранения своих позиций на Тамани. Во время переговоров с российской стороной в течение осени 1772 г. турки выставляли требование по возвращению им таманских крепостей. При обсуждении этих запросов в Совете было решено уступить туркам требуемые укрепления, *«находящиеся на Кубани и нами не завоеванные, стараясь сколько возможно исключить из сего числа Тамань»* [12, с. 222].

В новом 1773 г. российское правительство решилось на смягчение своей позиции относительно Тамани. В инструкциях к послу А.М. Обрескову, ответственному за ведение переговоров с турками, было сказано, что в цену Еникале он мог бы поставить оставление туркам городов на Кубани, кроме Тамани, или уступку на Таманском острове угла для построения ими крепости [13, с. 225]. Сам посол выступал против предоставления Порте возможности иметь опорный пункт вблизи российских укреплений в Крыму. Однако рескриптом от 10 января 1773 г. ему предписывалось уступить Оттоманской Порте *«...все города и крепости на Кубани, которые вы [А.М. Обресков] по сию пору столь благоразумно смешивали вместе с крымскими, исключая из этого один остров Тамань, который нужен к непосредственному сообщению крымских татар с нагайскими ордами»* [14, с. 446].

Желание части членов Императорского совета поскорее завершить военные действия с Портой было вызвано как угрозой со стороны Швеции, так и продолжительной кампанией против турок. Сюда также следует добавить стремление любой ценой сохранить Керчь и Еникале. Неудивительно, что рескриптом были предусмотрены и дальнейшие уступки: *«...Еще и на самом Таманском острове отдать в диспозицию и владение Порты в углу оною к Черному морю достаточное место к построению крепости и к снабжению ее нужными угодами»* [15].

Новые инструкции серьезно противоречили предыдущим требованиям российской стороны. Во-первых, Россия отказывалась от передачи крымскому хану всех турецких городков и укреплений на Кубани, которые от границ России *«...весьма удалены и находятся без всякого обитания, кроме временного туды выхода из гор тамошних диких народов»* [16, с. 238]. Во-вторых, она смирялась с тем, что военное присутствие на Тамани турецких сил будет постоянно угрожать самостоятельности Крымского ханства и русской навигации в регионе.

Получив дополнительные полномочия, А.М. Обресков выразил сомнения в целесообразности некоторых предложений в письме к графу П.А. Румянцеву от 26 января 1773 г.: *«...Повелено мне в самонужном случае представить Порте все на Кубани лежащие крепости, кроме Тамана; какие же крепости? Вашему Сиятельству не безызвестно, что на берегу кубанской стороны Азовского моря лежит не крепость, но городишка Ачу, потом есть Темрюк, да за р. Кубанью старой и новой Капылы, которые должно называть более селами, нежели городами, а того менее крепостями, выключая Темрюк, сей черты мне преступить отнюдь не дозволяется...»* [17, с. 455]. Он также справедливо замечал: *«...Ибо и теперь Таман служит способом содержания татар в колебленности, то что может быть тогда, когда турки по бок его будут иметь крепость и гарнизон»* [18, с. 239].

Логично предполагать, что турки были осведомлены гораздо лучше о состоянии своих и татарских городков и крепостей на Кубани, чем русский посол. Понимая, что наиболее боеспособные укрепления расположены именно на Тамани, они требовали ее возвращения. Турецкий рейс-эфенди в одной из своих речей в восточном стиле подчеркивал особую значимость Тамани для Константинополя: *«...Порта считает крепости Еникале и Тамань яко глаза безопасности своей»* [19, с. 458]. Для ее поддержания турки по поступавшим сведениям пользовались перевозом, который был оставлен татарам при Еникале для связи с проживавшими на Кубани ногайцами и переброски из Тамани в Крым отрядов янычар [20, с. 239].

Получив столь серьезные полномочия, А.М. Обресков не спешил выкладывать все свои карты. В переговорах с турецкими визави он по-прежнему настаивал на передаче лишь кубанских городков туркам без Тамани и право строительства укрепления возле нее. В качестве компромиссного варианта им было предложено место на безымянном острове возле мыса Ак-Бурун напротив Тамани (рис. 1). Здесь турки были вольны не только построить крепость, но и следить за проходом русских судов в Черное море. А.М. Обресков не называл наименования этого острова, но указывал, что оно известно с древнейших времен всем морякам, которые охотно делали стоянки в его акватории. Предложение русской стороны было достаточно заманчивым, так как позволяло следить за еникальским перевозом и русскими кораблями, крейсировавшими в Азовском море.

Для точного определения острова, предложенного туркам для строительства крепости, обратимся к рукописной карте 1778 г. В результате ее изучения можно сделать однозначный вывод, что безымянный остров – это Тузла, которая как раз находится напротив мыса Ак-Бурун.

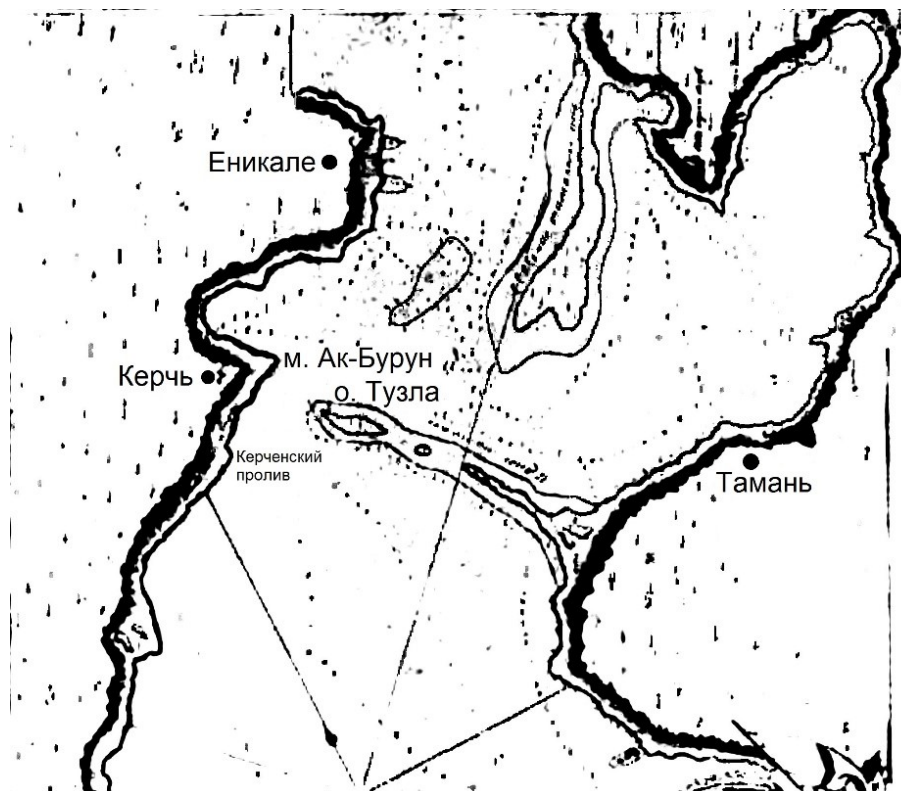

Рисунок 1 – Керченский пролив с крепостями Керчью, Еникале и Таманью [21]

Во время дальнейших переговоров весной 1773 г. выяснилось, что турки не были удовлетворены предложенным им местом на кубанском берегу для построения новой крепости. «Таманский угол» сознательно не упоминался А.М. Обресковым, несмотря на то что в его инструкция была предусмотрена подобная уступка. Рейс-эфенди возражал, что свободный проход судов через Керченский пролив возможен лишь со стороны Крымского полуострова, поэтому Порты настаивала на оставлении за нею Еникале, господствовавшего над проливом [22, с. 458]. После взаимного исчерпания аргументов стороны так и не смогли прийти к мирному соглашению.

В заключительный год войны члены Императорского совета были готовы пойти на значительные уступки в пользу Османской Порты. 10 марта 1774 г. на заседании Совета рассматривались последние возможные предложения для заключения мира. Графом Н.И. Паниным было озвучено требование получения вместо Еникале и Керчи Кинбурнской крепости, но с условием, чтобы Порты оставила татарам все крепости в Крыму, на Тамани и Кубани [23, с. 273]. Неготовность отказаться от таманских и кубанских земель, а также поддержка европейских послов не позволили Порте заключить мир на этих условиях.

Успехи русского оружия на суше и на море исчерпали военные и материальные ресурсы Порты и сделали ее более сговорчивой. 10 июля 1774 г. курьер от великого визиря привез депеши графу П.А. Румянцеву и послам. В турецком письме была предпринята последняя попытка удержать крепости на Тамани и Кубани: «...Татары не только ни в какое время не мешались в вышеупомянутые крепости, но и оные обороняемы были армией высокой Империи, а потому не можно их оставить татарам...» [24, с. 194–195]. Настойчивость русской стороны в вопросе оставления всех кубанских и таманских городков и укреплений вынудила Порты согласиться на это условие. 24 июля 1774 г. в Совете было зачитано письмо генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева о подписании мирных договоров, в которых были зафиксированы независимость крымских татар, оставление им всех земель, замков и поселений в Крыму, на Кубани и Тамани [25, р. 93]. Россия приобрела Еникале, Керчь и Кинбурн с округами и прочие территории.

Итак, проблема обладания таманскими землями играла заметную роль во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Для каждой из враждующих сторон Тамань имела собственное значение. В первые годы военных действий Российская империя нацелилась открыть для себя

зунд Черного моря, для чего стремилась завладеть удобными опорными пунктами по берегам Керченского пролива. Успешное решение этой проблемы в совокупности с устранением крымской угрозы переориентировали русскую политику в отношении таманских земель. Стремясь полностью вытеснить Османскую Порту из региона, русская дипломатия стала связывать Крым, Кубань и Тамань в единое целое. В конечном счете такая политика позволила лишить Порту ее кубанских и таманских владений в пользу Крымского ханства.

Турецкая сторона на правах владельца Тамани прекрасно осознавала, что означает утрата ею своих позиций. Веками закрывая Керченский пролив от иноземных судов, она стремилась не уступать эту привилегию. Тамань была нужна ей как для воздействия на крымских татар, ногайцев, адыгов и других народов Кавказа, так и для коммуникации с остальными территориями в Северо-Восточном Причерноморье. В связи с этим турецкие дипломаты до последнего пытались сохранить возможность своего влияния на Тамани или вблизи нее.

Ссылки и примечания:

1. Узлов Ю.А. Интеграция Крыма и Кавказа в геокультурное пространство России (XVI–XIX вв.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 20 ; Robarts A. A Plague on Both Houses? Population Movements and the Spread of Disease Across the Ottoman-Russian Black Sea Frontier, 1768–1830s : dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in History. Washington D.C., 2010. P. 4.
2. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
3. Архив Государственного совета. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768–1796 гг. СПб., 1869.
4. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 14. Т. 27–28. История России с древнейших времен. М., 1998.
5. Петров А.Н. Война России с Турцией и Польскими конфедератами. 1769–1774 годы : в 5 т. СПб., 1874. Т. III. Год 1771.
6. Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883.
7. Цит. по: Бондарь В.В. О датировке возникновения станицы Тамань // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Баранов. Краснодар, 2016.
8. Архив Государственного совета ... С. 122.
9. Там же. С. 195.
10. Там же. С. 158.
11. Цит. по: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.
12. Архив Государственного совета ... С. 222.
13. Там же. С. 225.
14. Уляницкий В.А. Указ. соч. С. 446.
15. Там же.
16. Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 238.
17. Уляницкий В.А. Указ. соч. С. 455.
18. Цит. по: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 239.
19. Уляницкий В.А. Указ. соч. С. 458.
20. Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 239.
21. Карта в редакции автора. Источник: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 241.
22. Уляницкий В.А. Указ. соч. С. 458.
23. Архив Государственного совета ... С. 273.
24. Петров А.Н. Указ. соч. Т. V. С. 194–195.
25. Bezikoğlu M. The Deterioration of Ottoman Administration in the Light of the Ottoman-Russian War of 1768–1774 : Master's degree thesis of Master of Arts in History. Ankara, 2001.